

УДК 316.285

ИДЕИ НИКЛАСА ЛУМАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Даниленко Оксана Акимовна – кандидат социологических наук, доцент, кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

В статье анализируются особенности интерпретации Никласом Луманом понятий «конфликт», «консенсус» и «коммуникация». Показано значение идей Н. Лумана для адекватного анализа конфликтов в современном обществе. Доказывается возможность и перспективность включения ряда понятий системной теории Н. Лумана в понятийный аппарат современной конфликтологии. Обоснована роль интерпретации лумановского соотношения «конфликт-консенсус-коммуникация» для разработки авторской лингвоконфликтологической концепции.

Interpretation peculiarities of Niklas Luhmann definitions of "conflict", "consensus" and "communication" are analyzed in the article. Sense of N.Luhmann's ideas for adequate analysis of conflicts in the contemporary society is demonstrated. Availability and practicability of inclusion of series notions of N.Luhmann system theory to conceptual apparatus of contemporary conflictology are proved. Role of interpretation of N.Luhmann's relationship "conflict-consensus-communication" are proved for developing own (authors) lingua-conflictological conception.

Актуальность обращения к интерпретации понятий «конфликт» и «консенсус» во взаимосвязи с понятием «коммуникация» в концепции Никласа Лумана определяется прежде всего особенностями современного общества как информационного, когда информация и знания играют особую роль в социальной жизни. Применительно к социальным конфликтам это проявляется в том, что для адекватного анализа конфликтности в социуме необходимо учитывать влияние различных информационных потоков на формирование различных образов конфликтов и на особенности их восприятия как субъектами конфликта, так и внешними по отношению к конфликтной ситуации сторонами. При этом особое значение приобретает анализ языка как средства коммуникации, включенного в процесс возникновения и развития конфликтов, а также в поиски возможностей достижения консенсуса.

Целью статьи является обоснование перспективности доработки понятийного аппарата конфликтологии с учетом особенностей интерпретации Н.Луманом понятий «конфликт», «противоречие», «коммуникация», «консенсус» во взаимосвязи с понятиями «смысл», «тема», «язык» и др.

Следует заметить, что современные конфликтологические исследования характеризуются множественностью подходов к анализу социальных конфликтов, которые исследуются как в русле различных социогуманитарных наук, так и в рамках конфликтологии как межпредметной области (см. например, [1, 2, 3, 4, 5]). При этом практически не изучается роль языка в возникновении и развитии конфликтных ситуаций, не рассматривается роль семантической составляющей в моделях конфликта, что препятствует осуществлению адекватной экспертизы конфликтных ситуаций (с точки зрения учета различных его образов). Среди концепций, в которых анализируется соотношение конфликт-коммуникация и учитывается роль языка, следует назвать прежде всего концепцию Т.М.Дридзе (семиосоциопсихологический подход к анализу коммуникаций) [6, 7]. Рассматривая соотношение понятий «коммуникация-конфликт-текст» с позиций собственно социологической методологии, целесообразно обратиться к идеям Н.Лумана, поскольку он рассматривал коммуникацию как форму существования общества (обосновывая, в частности, что социальная система и среда различаются соответственно как «внутренняя» и «внешняя» стороны коммуникации [8, с. 29]). Н.Луман подчеркивал также, что «основополагающий медиум коммуникации, гарантирующий регулярный, развертывающий себя как продолжающийся аутопойесис общества – это язык» [9, с. 26].

Концепция Н. Лумана существенно повлияла на развитие социологии языка, и поэтому, разрабатывая социологический подход к анализу социальных конфликтов, учитывающий особую роль «языка конфликта» – лингвоконфликтологический подход [10, 11] - невозможно оставить без внимания его идеи. Тем более, что и Н. Луман не обошел вниманием теории конфликта, оставив ряд критических замечаний в их адрес. Эти замечания были сформулированы при рассмотрении соотношения понятий «конфликт» и «противоречие». В качестве примеров Н. Луман приводит определения конфликта Р. Дарендорфа из работы «Общество и свобода. К социологическому анализу настоящего» («...все структурно обусловленные противоположности норм и ожиданий, институтов и групп...»), М.Дойча «Разрешение конфликта: конструктивный и деструктивный процесс» («...конфликт существует всякий раз, когда сталкиваются несовместимые действия...») и определение конфликта в «Социологическом словаре» («...противоположность интересов и вытекающие отсюда столкновения и борьба между индивидуумами и группами, особенно между слоями, классами...») [12, с. 509]. Характеризуя эти определения, Луман отмечает как недостаток таких определений то, что они пытаются соединить в одном

понятии структурные условия конфликтов (в частности, возможные конфликты) и конфликты на поведенческом уровне. Одновременно он подчеркивает, что «такие понятийные конструкции заслуживали бы обсуждения лишь в том случае, если бы опирались на сознательное намерение образования понятия, не включающего различий, т.е. такого, которое не исключает ничего. Такая социология ставила бы понятие конфликта на место понятия смысла в нашей теории; она просто утверждала бы (что, конечно, утверждаем и мы), что всякий смысл своими социальными указаниями имплицитно включает возможные противоположности» [12, с. 509].

Какое же видение конфликта предлагает взамен критикуемых подходов Н.Луман и в чем познавательный потенциал его концепции при исследовании социальных конфликтов в современных условиях? Какая система понятий сопутствует описанию Луманом конфликта, консенсуса и коммуникации и почему столь значимым для него оказывается понятие смысла? В чем специфика интерпретации коммуникации Н.Луманом?

Одна из основных особенностей интерпретации коммуникации Н.Луманом - это рассмотрение процесса коммуникации как избирательного процесса. Характеризуя понятие коммуникации, Н.Луман подчеркивает необходимость отказа от метафоры «переноса». «Метафора переноса смещает суть коммуникации в акт переноса, в сообщение. Она направляет внимание к сообщаемому и требует его умений. Однако сообщение есть не что иное, как предложение сделать выбор, есть побуждение. Лишь благодаря тому, что это побуждение подхватывается, возникает возбуждение, происходит коммуникация» [12, с. 195]. Коммуникация понимается Н.Луманом как «трехзвенный процесс отбора. Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса, потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание» [12, с. 195]. Следует заметить, что конфликт как коммуникативный процесс целесообразно также рассматривать как процесс отбора, влияющего на выбор тех или иных вариантов коммуникативных действий в процессе возникновения конфликта. И такого рода интерпретация идей Лумана может быть представлена в качестве дополнения современным ресурсным моделям конфликта. Здесь сама информация может повлиять на выбор определенного типа действия, и этот аспект является особенно важным при рассмотрении, наряду с реальными, *лингвистически сконструированных конфликтов*, когда с помощью определенных потоков информации создается образ конфликта, который может быть принят за реальный конфликт (хотя здесь может и не быть в этот момент всех характеристик конфликта, являющихся важными атрибутами его диагностики при использовании ресурсной модели).

Лингвистическое конструирование конфликтов является одним из ключевых понятий лингвоконфликтологической концепции и понимается не только как провоцирование конфликтов с помощью определенных текстовых конструктов, но и как конструирование такого дискурса, который создает представление о конфликтах (порой о несуществующих как о реальных), что при определенных условиях может привести к реальному их возникновению. Лингвистическое конструирование конфликтов - это определенный вариант социального конструирования реальности, несущий в себе значительный конфликтный потенциал. Этот феномен может быть рассмотрен как в контексте идей П.Бергера и Т.Лукмана [13], так и в понятийной системе Н.Лумана, теория которого может рассматриваться как «как радикальный конструктивизм в его социологическом выражении» (подробно об обосновании возможности рассмотрения теории Н.Лумана как радикального конструктивизма, см., в частности, работу Х.Кноблауха «Между системой и субъектом. Различия и пересечения между системной теорией и социальным конструктивизмом» [14]).

Рассматривая конфликты как систему многоуровневых структурных коммуникаций, мы можем на уровне некоторых из подсистем обращаться и к ресурсной модели, если она адекватна конкретной ситуации, но не сводить все лишь к ней, подразумевая возможность описания и анализа лингвистически сконструированных конфликтов, которые вытекают из самого процесса коммуникации и конструируются в процессе коммуникации (и средством конструирования является язык коммуникативных процессов).

Характеризуя коммуникацию, Н.Луман подчеркивает также следующее: «Коммуникация есть самостоятельный, автономный, самореферентно закрытый процесс осуществления актов отбора, никогда не утрачивающих характера актов отбора. Она есть процесс непрерывного изменения формы смысловых материалов, преобразования свободы в свободу в меняющейся обусловленности» [12, с. 207]. Здесь в качестве ключевого момента с точки зрения анализа роли языка в процессе коммуникации следует выделить рассмотрение коммуникации как процесса изменения формы смысловых материалов, а также закрытость осуществления актов отбора как специфическую характеристику лумановской концепции.

Конфликт понимается Н.Луманом как продолжение коммуникации, и это является специфическим моментом его концепции. Конфликт - не прерывание коммуникации, не прекращение коммуникации, не искажение ее - это продолжение коммуникации в определенной ее форме, что связано с противоречием коммуникации. «О конфликтах мы будем говорить всегда, когда возникает противоречие коммуникации, - подчеркивает Н.Луман. - Можно также сказать: когда противоречие становится

предметом коммуникации. Конфликт есть оперативное приращение противоречию самостоятельности благодаря коммуникации. Таким образом, конфликт имеется лишь тогда, когда коммуницируется ожидание и в ответ коммуницируется непринятие коммуникации» [12, с. 508]. Н.Луман отмечает, что «не следует сводить конфликты к неполадкам в коммуникации (как будто коммуникация есть что-то «хорошее», что может разрушиться). Коммуникация – это аутопоэтический процесс социальных систем, продолжающийся через все эпизоды кооперации и антогонизмов, пока он происходит. Таким образом, конфликты служат как раз для продолжения коммуникации путем употребления одной из возможностей, которая поддерживает ее открытость, – через использование отказа. Тем самым понятие конфликта четко отделяется от лишь предполагаемых, лишь наблюдаемых противоположностей» [12, с. 508-509]. Исходя из этого, Н.Луман дает следующее определение конфликтов: «Конфликты – это социальные системы, возникающие по данным поводам и в иных системах, не являющихся подсистемами и существующих паразитически. Причиной их запуска и катализатором устойчивости выступает негативная форма двойной контингентности» [12, с. 509]. Как следует из приведенного определения конфликта, без понимания специфики лумановской интерпретации «двойной контингентности» невозможно в полной мере понять его интерпретацию понятий «коммуникация» и «конфликт» и их соотношение. Невозможно также понять лумановскую интерпретацию коммуникации, не остановившись на понимании Alter и Ego. Поэтому остановимся несколько подробнее на анализе «двойной контингентности», а также Alter и Ego и их роли в описании сущности коммуникации, консенсуса, конфликта и диссенсуса.

Понятия «Alter» и «Ego» Н.Луман использует при описании процесса коммуникации, и этими понятиями он оперирует при объяснении, почему процесс отбора нужно рассматривать не как двухзвенный, а как трехзвенный: «Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса, потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание» [12, с. 196]. В этом смысле информация понимается Луманом как отбор из репертуара возможностей (известного и неизвестного). «Без данной избирательности информации не шел бы какой-либо коммуникативный процесс (сколь бы малой ни была новизна обмена сообщениями при том, что коммуникация ведется лишь ради нее самой, ради голого заполнения пустот общего бытия). Кроме того, кто-то должен выбирать поведение, которым сообщается эта информация. Это может происходить либо преднамеренно, либо непреднамеренно. Решающее значение имеет возможность опоры третьего отбора на различение информации и ее сообщения. Так как это имеет решающее значение, а информация может быть понята лишь отсюда, мы (несколько неестественно) обозначаем адресата «Ego», а сообщающих – «Alter»» [12, с. 197].

Рассматривая проблему смысла, Н.Луман также подчеркивает, что в *социальном измерении* Ego и Alter персонализируются в целях отнесения или идентифицируются с определенными социальными системами. «Несмотря на функционирование как Ego или Alter, для alter Ego они сохраняют идентичности, имена и адреса. Однако социальный схематизм не может подразумевать эти системы в качестве предметных данностей мира, он, скорее, касается их функционирования как Ego, соответственно как Alter и последствий, вытекающих отсюда» [12, с. 130]. Н.Луман подчеркивает, что в языке эта дистанция по отношению к предметному измерению выражается личными местоимениями, меняющимися вместе с теми, кто ими пользуется, но которые, несмотря на это, можно отнести к тому, кто не меняется вместе с речью. И далее Луман подчеркивает, что «социальная схематизация позволяет использовать *обоих* партнеров, *обе* перспективы, перспективу Ego и перспективу Alter вместе или последовательно, и в каждом случае решать, что подразумевается в каждой из перспектив. Тем самым в устоявшихся и согласованно понимаемых системных идентичностях может возникать диссенсус относительно того, принимает ли «я» как отнесение отборов, предназначенных ему как некоему «ты»» [12, с. 130]. При этом возможность осуществления социального отнесения самореферентно объясняет, почему диссенсус «на этом уровне не отменяет тотчас с необходимостью также вещи, личности или события предметного мира» [12, с. 131]. Эти идеи Лумана могут быть интерпретированы в контексте роли языка в социальных изменениях, заставляя учитывать «обе перспективы» и различия восприятий. Для понятийного аппарата конфликтологии здесь особенно важны «согласовано понимаемые системные идентичности» и их роль в интерпретации роли диссенсуса.

Н.Луман рассматривает во взаимосвязи понятия «консенсус», «диссенсус», и проводит интерпретацию их соотношения, обращаясь к понятию «двойная контингентность» (или «двойная зависимость от обстоятельств»). В определении «двойной контингентности» Н.Луман развивает следующую парсонсовскую идею: «Взаимодействию присуща двойная контингентность. С одной стороны, удовлетворение Ego зависит от того, какие альтернативы он выбирает из числа имеющихся. В свою очередь, реакция Alter будет зависеть от осуществляемого Ego выбора, и, сверх того, осуществляется еще и выбором со стороны Alter. Вследствие этой двойной контингентности коммуникация, являющаяся необходимым условием для культурных образцов, не может существовать как без *обобщения* и отвлечения от частного в конкретных ситуациях (которые никогда не бывают идентичными для Ego и

Alter), так и без *стабильности* значения, которое могут гарантировать только «конвенции», соблюдаемые отдельными сторонами» [12, с. 151]. Признавая значение парсонсовской интерпретации «двойной контингентности» для развития теории социальных систем (в частности, понятие «двойная контингентность» помогает, по мнению Лумана, вновь увидеть в единстве понятия «система, комплексность, самореференция, смысл» [12, с. 152]), Луман одновременно проводит различия своей и парсонсовской концепции. С точки зрения поставленной в статье задачи доработки понятийного аппарата конфликтологии, особенно важно проследить, каким образом Луман осуществляет это разграничение, поскольку базовым понятием здесь выступает «ценностный консенсус» и определение его роли в понимании общества.

Именно парсонсовское положение о том, что социальное действие невозможно, «если Alter ставит его в зависимость от действий Еgo, а Еgo стремится связать свое поведение с Alter», привлекает особое внимание Лумана; причем он видит в этом не голое согласование поведения, не координацию интересов различных акторов, а основное условие возможности социального действия как такового; то есть именно проблему двойной контингентности Луман относит к условиям возможности действия. При этом он подчеркивает, что при переходе от проблемы двойной контингентности к представлениям о ее решении «наши пути с Парсонсом расходятся» [12, с. 153]. И одним из основных понятий, фигурирующих при определении этого расхождения, является понятие «ценностного консенсуса». Т.Парсонс, по мнению Н.Лумана, решает проблему двойной контингентности через допущение о ценностном консенсусе, о согласованной нормативной ориентации, об общей символической системе, имеющей нормативный характер. Н. Луман критически относится к этим положениям, подчеркивая, что в них, как во всей социологии первой половины XX века предполагается, что общества передают культуру по традиции, поэтому культура предшествует любой социальной ситуации: «Долговременные структуры, постоянно обеспечивающие социальный порядок, уже существуют в культурном наследии, то есть в прошлом. Соответственно, проблема социального порядка представляет собой не столько проблему политической власти, сколько проблему социализации. Используемое Т. Парсонсом понятие взаимопроникновения сводит эти аспекты к единой формуле. Однако тем самым постановка проблемы лишь отодвигается в прошлое. В таком случае социокультурную эволюцию еще можно понимать как отклоняющуюся социализацию, но в принципе конституция социальных систем всегда связана с наличным кодом, хотя должна бы объяснять его возникновение и функцию» [12, с. 153].

По мнению Н. Лумана, формула двойной контингентности выходит за пределы этого традиционного начала теории. «Решение проблемы двойной контингентности не обязательно искать только в наличном консенсусе, то есть исключительно в социальном измерении. Существуют и функциональные эквиваленты, например, временное измерение. В еще неясной ситуации Alter определяет свое поведение методом проб. Он начинает с приветливого взгляда, жеста, подарка – и ждет, примет ли и как примет Еgo предлагаемое определение ситуации. В свете этого начала каждый последующий шаг является действием с определяющим эффектом – позитивным либо негативным, – уменьшающим контингентность» [12, с. 153-154].

По мнению Лумана, допущение о ценностном консенсусе не является необходимым: при большем открытии случайностям возникает «порядок из шума». Чтобы получить ответ на вопрос о соотношении двойной контингентности и проблемы социального порядка, Луман вновь обращается к понятию «смысла», чтобы говорить об Alter и Еgo как об «открытых возможностях определения смысла, которые даны переживающему их или другому всякий раз как определение горизонта» [12, с. 154].

Все это приводит Лумана к выводу о том, что «благодаря модификации основ теории Парсонса можно соединить феноменологию и системную теорию, анализ смысла и анализ отношений системы и окружающего мира» [12, с. 156]. Синтез феноменологии и идей Парсонса характерен, как известно, и для идей Ю.Хабермаса, и в этом созвучие некоторых из методологических принципов лумановской и хабермасовской **концепции, при** всем их различии (Хабермас, как известно, строит свою концепцию на разграничении между жизненным миром и социальными системами [15]). Сходством является также внимание к понятию «консенсус», хотя интерпретируется консенсус в концепциях Н.Лумана и Ю.Хабермаса по-разному.

Для Н. Лумана консенсус – это, прежде всего, актуальное «смыслие»; генерализация консенсуса и институционализация непосредственно связаны друг с другом. Н.Луман подчеркивает, что коммуникация не может пониматься как вклад, интегрирующий систему, как создание консенсуса, так как это означало бы, что она подрывает свои предпосылки и может жить лишь за счет некоторой безуспешности. «Что же еще, если не консенсус, есть результат коммуникации?» [12, с. 236] – спрашивает он при этом. Отвечая на этот **вопрос, Н.** Луман подчеркивает, что к важнейшим достижениям коммуникации относится обеспечение чувствительности системы к случайностям, к возмущениям, к шумам особого рода, так как с помощью коммуникации можно делать понятным неожиданное, нежелательное, разочаровывающее. «При этом «понятное» не означает, что могут быть поняты основания и изменены обстоятельства... Решающим является необходимость для возмущений вообще принимать

смысловую форму, что дает им возможность быть рассмотренными в дальнейшем» [12, с. 236]. При этом «благодаря коммуникации система создает и повышает свою чувствительность и, таким образом, посредством постоянной чувствительности и раздражимости поддается действию эволюции» [12, с. 236]. По мнению Н.Лумана, «для корректировки этого беспокойства консенсус не слишком пригоден: в таком случае опасность заблуждения, ошибки, бездействия была бы слишком велика». Здесь также видна прямая и косвенная полемика с концепцией Ю.Хабермаса (в рамках которой подчеркивается, что коммуникация направлена на достижение, сохранение или обновление консенсуса, а консенсус рассматривается как основной фактор солидарности и стабильности общества). Это становится тем более очевидным в связи с тем, что Н. Луман, обосновывая, что не консенсус является результатом коммуникации, отмечает в примечаниях следующее: «Все теории консенсуса должны также выдерживать вопрос, который Х.Шельски однажды задал (в устной форме) Ю.Хабермасу: что же все-таки было бы правильным *в соответствии* с консенсусом». [12, с. 236]. Лучше понять, что означает эта контекстная критика Н.Луманом концепции Ю.Хабермаса, позволяет рассмотрение соотношения «смысл» и «консенсус» в лумановском видении социального порядка.

Именно через соотношение понятий «смысл» и «консенсус» Н.Луман осуществляет критику всех предшествующих его теории определений консенсуса (прежде всего, рассмотренную выше в связи с проблемой двойной контингентности парсонсовскую модель, подвергая сомнению саму возможность достижения однозначного, приемлемого для всех, актуально осознаваемого согласия относительно «смысла»; Луман считает, что такого рода консенсус недостижим, поскольку смысл превышает не только разнообразие возможностей, уже установленных в актуальном потенциале индивидуальных сознаний, но и потенциал совокупного опыта). В связи с этим его альтернативная постановка проблемы звучит следующим образом: как достигается необходимое согласие применительно к опыту и отношениям вопреки жестко ограниченному и отнюдь не бесконечному потенциалу актуального консенсуса в рамках сложного осмысленно сконструированного мира? [16]. Отвечая на этот вопрос, он говорит о необходимости рассматривать не институты, а институционализацию (не результат, а процесс), подчеркивает, что только через институционализацию может быть достигнуто «смыслие» о ценности актуального опыта и осуществляться «успешная переоценка консенсуса». Обращение к лумановской интерпретации понятия консенсуса позволяет актуализировать целый ряд понятий (смысл, смыслие, «переоценка консенсуса» и др.), с помощью которых может быть осуществлена существенная доработка понятийного аппарата конфликтологии, связанная с возможностью лингвосоциологического анализа проблемы социальных конфликтов, в том числе с точки зрения включения лингвистических механизмов в процессы институционализации.

Еще одна методологическая проблема, которая находится в центре внимания Лумана – как функционируют механизмы избирательности в процессе коммуникации, и как они влияют на дальнейшее поведение. Н.Луман подчеркивает, что «вопрос о том, принимает ли кто-либо сообщенную информацию как предпосылку собственного поведения, возникает лишь в отношении дальнейшего события. Это – такие отборы, с помощью которых коммуникация оказывает влияние на свой окружающий мир и/или возвращается к себе самой» [12, с. 206]. В этом плане модель коммуникации, важнейшим моментом которой является избирательность, важна для лучшего понимания влияния информационных потоков на конфликтное поведение, так как позволяет увидеть многомерность процессов отбора, роль смысла и его интерпретации в этом процессе.

Именно введение «смысла» в описание понятия коммуникация позволяет говорить о коммуникации как об избирательном событии, как о трехзвенном процессе отбора. Значение «смысла» в теории Лумана подчеркивает в своих работах и Ю.Хабермас. Рассматривая «установки системной теории Лумана» в контексте проблемы «присвоения наследия философии субъекта», он уделяет особое внимание лумановской интерпретации смысла: «...Луман определяет смысл прежде всего как совокупность ссылок на интенциональные переживания и действия, актуализируемые возможности. При этом место способного к самосознанию субъекта занимают смыслоперерабатывающие и смыслоиспользующие системы» [17, с. 377].

Луман подчеркивает также особую роль смысла в «смене лидерства» различных компонентов коммуникации. Синтез трех обязательных компонентов коммуникации (информации, сообщения и понимания), по Луману, устанавливается в каждой новой коммуникации, причем коммуникация порождает непрерывную смену лидерства каждого из этих трех компонентов, а посредником в такой смене лидерства выступает смысл [18]. Смысл рассматривается Луманом как необходимая форма комплексности и самореферентности любых систем (как психических, так и социальных), как один из ключевых моментов функционирования коммуникации. Все эти моменты показывают особое значение смысла в функционировании социальных систем, оказываясь важнейшим компонентом как понимания конфликта, так и консенсуса.

Как видим, наряду с понятием «конфликт», при описании процесса коммуникации Н. Луман активно обращается к понятию «консенсус». И хотя консенсус не играет в концепции Н.Лумана *в целом* (в

его теории систем) такой центральной роли, как в теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса, он все же может рассматриваться как ключевое понятие при рассмотрении Н.Луманом проблемы институционализации, и именно здесь наиболее отчетливо проявляется соотношение понятий «смысла» и «темы» с понятием «консенсус». При этом актуализируются также «смыслы» и связанная с ним «переоценка консенсуса», которые можно рассматривать в качестве существенных для понятийного аппарата конфликтологии понятий, поскольку консенсус, согласно Луману, вообще может быть определен как «организованное смысловое» или «актуализированное смысловое».

Заметим, что прямая и косвенная полемика Н.Лумана и Ю.Хабермаса по вопросам интерпретации «конфликта», «консенсуса» и «коммуникации» требует дальнейшего изучения и может стать отдельной темой исследования. В рамках данной статьи хотелось бы лишь подчеркнуть, что концепциях Н.Лумана и Ю.Хабермаса предлагаются различные, в определенной мере альтернативные, модели коммуникации, по-разному рассматриваются соотношение конфликт-консенсус-коммуникация, но общим является рассмотрение конфликта как способа коммуникации (или включение конфликтов в процесс коммуникации) и особое внимание к языку коммуникативных процессов.

Размышления Н.Лумана по поводу того, состоит в конечном счете система из коммуникации или из действий (еще один методологический вопрос, ответ на который является принципиальным для Лумана, и при ответе на который он вновь косвенно полемизирует с Ю.Хабермасом), приводят его к следующему утверждению: «...на вопрос, из чего состоят социальные системы, мы даем двойной ответ: из коммуникаций и из их отнесения в качестве действий. Ни один из этих моментов не был бы способен к эволюции без другого» [12, с.238]. При этом Н.Луман подчеркивает важность понимания различия информации и сообщения, встроенного в любую коммуникацию, выдвигает проблемы намеренности и ненамеренности сообщения, необходимости контроля социальной коммуникации с точки зрения ее социальной уместности, обосновывает роль языка как фактора «от-дифференциации процессов коммуникации от процесса восприятия» - все эти моменты не учитываются в современных моделях анализа конфликтов, и обращение к идеям Н.Лумана позволяет восполнить этот пробел. Так, например, лумановская «от-дифференциация процессов коммуникации от процесса восприятия» может быть интерпретирована в контексте разграничения конфликта (как коммуникативного процесса) и образа конфликта (как результата его восприятия и интерпретации). При этом особенности рассмотрения Луманом роли языка, смысла, понимания, темы в процессе коммуникации создают предпосылки для разработки лингвистических моделей конфликта как коммуникативного процесса.

Таким образом, обращение к интерпретации конфликта, консенсуса и коммуникации в концепции Никласа Лумана способствует доработке понятийного аппарата конфликтологии в следующих направлениях:

1. Учет наряду с «конфликтной» плоскостью «консенсусной», «замороженной» плоскости как двух взаимодополняющих проявлений коммуникативных процессов в контексте идей Н.Лумана позволяет рассматривать конфликт (как и консенсус), в качестве продолжения коммуникации, а не ее прекращения.
2. Осмысление конфликта как ситуации неопределенности с использованием понятия «двойная контингентность» дает дополнительные возможности его осмысления. "Двойная контингентность" (взаимная неопределенность позиций участников общения) дает дополнительные возможности осмысления конфликта как ситуации неопределенности. "Двойные контингентности" вызывают необходимость согласования перспектив, в результате чего и возникают самореферентные социальные системы, и конфликт выступает в роли одной из таких систем. Процесс согласования обращает внимание на понимание, смысл, тему и их языковое выражение. Исходя из позиции Лумана можно также предположить, что и ситуация консенсуса является ситуацией неопределенности, как любая коммуникативная ситуация; необходимость согласования перспектив актуализирует не только проблему понимания, но также обращает нас к таким понятиям, как «смысл» и «тема».
3. Трактовка понятия «конфликт» Н.Лумана может быть рассмотрена как альтернатива ресурсным моделям конфликта, но может выступать и их дополнением. Это является особенно важным при рассмотрении, наряду с реальными, лингвистически сконструированных конфликтов.
4. С точки зрения включения в модели анализа конфликтов лингвистических механизмов институционализации целесообразным представляется обращение к лумановскому соотношению «смысл-консенсус» и использование при описании процесса институционализации понятий «смысловое» «переоценка консенсуса», «понимание» и др.
5. Лумановская «от-дифференциация процессов коммуникации от процесса восприятия», связанная с разграничением и взаимосвязью коммуникаций и действий как составляющих социальной системы, способствует разграничению различных *образов конфликта* во взаимосвязи с реальными конфликтами, а, следовательно, более адекватному их анализу.

Обращение к лумановской интерпретации понятий «консенсус» и «конфликт» позволяет не только дополнить понятийный аппарат современной конфликтологии целым рядом понятий («смысл», «смысловое», «переоценка консенсуса» и др.), но также раскрывает новые перспективы реализации

лингвосоциологического анализа проблемы социальных конфликтов, но также позволяет по-новому увидеть процессы институционализации в контексте социальных изменений через рассмотрение роли лингвистических механизмов в процессах институционализации. Никлас Луман при рассмотрении процессов институционализации придает особое значение консенсусу. Однако есть и другая возможность – посмотреть на роль лингвистических механизмов институционализации через структурные характеристики конфликта. Обоснование роли «языка конфликта» в процессе институционализации является одной из граней разработки лингвоконфликтологической концепции, и одним из существенных методологических конструкторов для ее обоснования являются идеи Никласа Лумана.

Литература:

1. Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М. Academia. - 2000. – 464 с.
2. Степанов Е.И. Современная конфликтология. Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов. Уч. пособие. -М., ИС РАН, ЛКИ, 2008. - 176 с.
3. Танчер В.В., Казаков В.С. Проблема деинституционализации социальных конфликтов в контексте глобализации // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. - М.: ЛЕНАНД, 2005. – 664 с.
4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студ. ВУЗов. - М.: Аспект Пресс, 1995. - 317 с.
5. Бабосов Е.М. Конфликтология: Учеб. пособие для студ. ВУЗов. - Минск: ТетраСистемс, 2000. - 464 с.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. - М.: Наука, 1984. - 268 с.
7. Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в экوانтропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 2. М., 2000.
8. Луман Н. Почему необходима «системная теория»?// Проблемы теоретической социологии. Под ред. А. О. Боронова. - СПб., 1994.
9. Луман Н. Медиа коммуникации. Пер. с нем. / А.Глухов, О.Никифоров. М.: Издательство «Логос». – 2005. – 280 с.
10. Даниленко О.А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей. - Вильнюс. – ЕГУ. – 2007. - 402 с.
11. Даниленко О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии // Социологические исследования. – N 4. – 2006. – С. 89-98.
12. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург. – Наука, 2007. -644 с.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Тракт по социологии знания. - "Academia-Центр", "МЕДИУМ" Москва, 1995. - 305 с.
14. Knoblauch H. Zwischen System und Subjekt? Unterschiede und Ueberschneidungen zwischen Systemtheorie und Sozialkonstruktivismus // Hermeneutische Wissenssoziologie: Standpunkte zur Theorie der Interpretation / Roland Hitzler... (Hg.) – Konstanz: UVK, Univ. Verl. Konstanz, 1999. - S.213-236.
15. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. B.1, B.2. – Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft. - 1995.
16. Luhmann N. Institutionalisierung — Funktion und Mechanismus im sozialen System der Gesellschaft. In: Helmut Schelsky (Hrsg.). Zur Theorie der Institution. - Gütersloh, 1970.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
18. Luhmann N. Religion als Kommunikation. In: H. Tyrell, V. Krech und H. Knoblauch (Hrsg.). Religion als Kommunikation. - Würzburg, 1998.